

*В. Я. Розенфельд**

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕВИАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ФЭНДОМОВ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЛЯ РОССИИ

В статье излагаются соображения по поводу использования в религиоведении терминов из смежных областей науки — философии, психологии, социологии, лингвистики. Используя междисциплинарные термины, автор исследует причины появления «народных религий» и их существование в рамках религиозного пространства. Подвергаются анализу явления религиозной аномии, депривации, смещение рамок миссионерского поля. В статье делается вывод о неизбежной трансформации современного религиозного поля России под влиянием девиантных явлений.

Ключевые слова: вернакулярные религии, девиация, религиозная аномия, религиозное поле, миссионерский ареал, депривация, нарратив.

V. Ya. Rosenfeld

THE ROLE OF RELIGIOUS DEVIATION IN THE FORMATION OF FANDOMS IN THE RUSSIAN RELIGIOUS FIELD

The article presents considerations regarding the use of terms from related fields of science — philosophy, psychology, sociology, linguistics — in religious studies. Using interdisciplinary terms, the author explores the reasons for the emergence of “folk religions” and their existence within the religious space. The phenomena of religious anomie, deprivation, displacement of the scope of the missionary field are analyzed. The article concludes about the inevitable transformation of the modern religious field in Russia under the influence of deviant phenomena.

Keywords: vernacular religions, deviation, religious anomie, religious field, missionary area, deprivation, narrative.

Целью данной статьи является анализ тенденций трансформации религиозного поля России в современную эпоху, изменений его структуры под влиянием девиантных явлений. Задачи исследования состоят в том, чтобы:

* Розенфельд Вадим Яковлевич, аспирант, кафедра обществознания, права и социального управления, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; varo63@mail.ru

— рассмотреть сегменты религиозного поля России в зависимости от степени их влияния на общество;

— типологизировать основные религиозные течения, исходя из их сакральных базовых норм;

— используя терминологию Р. Мертона, определить девиантные признаки основных религиозных течений, в зависимости от влияния внешних факторов;

— исследовать принцип формирования вернакулярных религиозных течений, раскрыть характеристики трансформации миссионерских полей.

Научная новизна результатов статьи состоит в следующем:

— обосновано, что использование междисциплинарных терминов способствует более глубокому раскрытию принципов религиозного познания, понятий «норма» и «девиация» в постсекулярный период;

— раскрыто, что религиозное мышление субъекта в постсекулярный период находится вне этнического и традиционного факторов, религиозного опыта и формируется под влиянием неупорядоченных информационных потоков, основным пространством для которых является виртуальное;

— доказано, что синтез перманентного мистического настроения социально неблагополучного сегмента российского общества в сочетании с нарративами и политическими практиками приводит к формированию религиозных движений с синкретичной сакральной базой;

— выявлено, что традиционные сегменты религиозного поля России имеют тенденцию к дестабилизации под влиянием девиантных факторов. Девиантные проявления возникают как в результате отхода от догматических норм, так и вследствие смещения традиционных миссионерских ареалов.

Существование связей междисциплинарного характера, типичное для современной науки, имеет своим результатом процесс, вследствие которого термины одной научной дисциплины становятся актуальными для смежной сферы, в результате чего обогащается понятийный аппарат и терминология обеих областей (донорской и заимствующей). Поводом для подобной «миграции» зачастую является то, что ряд понятий не имеют постоянной привязки и имеют целый спектр толкований. Примером подобного процесса могут служить используемые в данной статье термины «девиация», «религиозное поле», «фэндом», «аномия», «депривация». Данные термины, изначально относящиеся к психологии, социологии, культурологии, благодаря выходу (религиозной философии) за пределы абстрактных теорий, обрели в религиоведении практический смысл.

Религиозное поле Российской Федерации, еще пятилетие назад изображавшееся как монолит, спаянный твердой доминантой традиционных конфессий и не менее твердыми государственно-конфессиональными отношениями, все более отражает суть социальных, политических и финансовых противоречий, имеющих в современном российском обществе. Собственно, еще П. Бурдье, автор концепции и термина «религиозное поле», достаточно определенно включает в его обязательные характеристики такие признаки, как разделение на сектора, взаимодействие с гражданскими и политическими институтами, манипуляции с религиозным капиталом и пр. [1].

Если М. Вебер полагал, что религия, как работа, стремится к удовлетворению спроса определенных социальных групп, а Э. Дюркгейм выделял среди

функций религии интегрирующую, социально образующую, то Бурдье прямо говорит о конкуренции между «церковью», «пророком» («ересиархом») и «колдуном» за реализацию религиозного капитала и за поддержку и симпатии мирян. Бурдье определяет религию в качестве не символического, но социального пространства, способного к воспроизводству, следовательно, обладающего характеристиками поля. Поле обладает функциями места, границ, оппозиции, потребления либо накопления, а главное — борьбы за ресурсы и власть.

Российское религиозное поле в постсекулярную эпоху представляет собой достаточно хаотичный набор акторов, ведущих как религиозную, так и псевдо-, либо околорелигиозную деятельность. Между участниками религиозного поля имеет место достаточно напряженная борьба, включающая в себя:

- расширение миссионерского ареала за счет других участников;
- претензии на монополию в государственно-конфессиональных отношениях;
- получение преференций от политических и властных структур;
- оспаривание легитимности конкурентов;
- оппозицию власти (в единичных случаях).

В перманентный конфликт между акторами втянуты политические, общественные и властные структуры, что приводит к периодической зачистке секторов религиозного поля, дискриминации и репрессиям в отношении более слабых религиозных движений. Несмотря на то, что теории Бурдье базировались на традициях французской католической церкви, в целом российские религиозные реалии вписываются в рамки концепции религиозного поля.

Говоря о миссионерском поле как о фрагменте религиозного, следует понимать, что изначально под этим понималась некое «каноническое» пространство, определенное не географическими, но традиционными и этническими рамками. Исходя из этих рамок, конфессии на протяжении веков могли контролировать трансляцию сакральных ценностей в границах своего ареала. Реформация, неореформация, секулярный период внесли существенные коррективы в данный порядок. В настоящее время мы наблюдаем не только отмену критериев границ миссионерских полей, но во многом упразднение границ как таковых. Причиной тому — современные изменения в религиозном мышлении субъекта, суть которых можно отразить следующим образом:

- религиозное мышление субъекта все менее зависит от этнического фактора;
- религиозное мышление субъекта, лишенное влияния этнического фактора, находится вне зависимости от традиционных ценностей;
- религиозное мышление субъекта, свободное от этнических и традиционных факторов, не опирается на религиозный опыт и знания в связи с отсутствием таковых;
- религиозное мышление субъекта вне этнического фактора, традиционного фактора, религиозного опыта формируется под влиянием неупорядоченных информационных потоков;
- основным пространством для коммуницирования субъекта с информационными потоками является виртуальное.

В результате религиозное сознание субъекта, лишенное религиозного опыта и знаний, традиционной и этнической привязки, подвержено состоянию хаоса, невозможности выбора между информационными потоками и находится в состоянии религиозной аномии (безнормности). Последняя же возникает в случае разрушения прежних норм и поиска новых, что типично для постсекулярного периода.

Опираясь на идеи Э. Дюркгейма и Р. Мертона, следует учесть, что религиозная аномия становится типичной для общества, характеризующегося ослаблением религиозных стандартов и убеждений. В то же время религиозная аномия может наблюдаться и у субъекта — в случае его религиозной дезориентации. Говоря о «безнормности», мы переходим к понятию нормы и отклонения от нее — девиации. Девиация предполагает отклонение от нормы. Но именно понятия нормы и отклонения от нее являются основополагающими в религиозном мировоззрении. Всякая религиозная система абсолютизирует понятие нормы и девиации, более того, возводит их в ранг сакральных истин. Дуальность лежит в основе практических всех религиозно-догматических концепций: Силы Света / Силы Тьмы; Святость/Грех; Истина/Ересь; Церковь/Секта. Необходимо отметить, что критерием нормы и девиации в данном случае являлось мнение собственно религии. Все признанное правильным возводилось в ранг абсолютного добра, а признанное неверным, отклонившимся характеризовалось как абсолютное зло. Именно право на возведение в категорию абсолюта нормы и девиации является отличительной чертой религиозных течений. Таким образом, понятия о норме и девиации находятся в основе всякой религии, составляют ее сущность. Соответственно, изучая и характеризуя факторы развития религиозных систем, религиоведение, как светская наука, не может не принимать во внимание такие ключевые понятия, как норма и причины отклонений от нее. Это особо актуально при изучении религиозной трансформации и деструктивности.

Пользуясь терминологией Р. Мертона, описание религиозного поля России и присущее каждому его сегменту определенные девиантные черты могут выглядеть следующим образом.

Превалирующие по уровню влияния на общественные устои — «интерпретирующие сообщества», институт т. н. «традиционных религий». По выражению Ю. Хабермаса, «церкви и религиозные организации все в большей мере берут на себя роль “интерпретирующих сообществ”, действующих на публичной арене в секулярной среде. Они могут оказывать воздействие на формирование общественного мнения и общественной воли, внося свой вклад в обсуждение ключевых тем — независимо от того, насколько убедительны их аргументы» [2]. Типологизируя данный вид религиозных течений по Р. Мертону как «конформный», отметим, что, следуя политике конформизма, этим институтам удается сохранять статус «повышенной легитимности», иметь значительные преференции, расширять финансово-хозяйственную структуру. Это компенсируется строгой лояльностью, необходимостью трансляции «духовных ценностей» в русле государственной идеологии. Конформные религиозные течения транслируют религиозные ценности в сочетании с политическими и экономическими тезисами, что ведет к размыванию догматического начала

и, как следствие этого, к девиантным отступлениям от онтологической религиозной нормы.

Значительный сегмент религиозного поля занимают «интегрированные» религиозные течения — протестантские деноминации, встроенные извне в сакральную схему России. Несмотря на несистематические репрессии, они верны принципу строгой лояльности. Главным для данных течений является сохранение обрядовых элементов, что позволяет определить данный религиозный тип по Р. Мертону как «ритуализм». Они находятся в состоянии перманентного конфликта с первой группой, подвержены влиянию оккультных практик, что ведет к девиантному размыванию догматического начала.

Обособленное место в религиозном поле занимают новые религиозные движения, которые, с некоторым допущением, можно определить как «*nova religio*». Они не встроены в религиозную структуру России и занимают обособленное положение на религиозном поле; являясь объектом постоянной критики со стороны «конформных религий», подвергаются системным репрессиям. Тем не менее именно «*nova religio*» на сегодняшний день контролируют весьма значительный сегмент религиозного поля и при этом допускают в своей деятельности нарушение этических и нормативных принципов, хотя не отвергают общепринятую мораль и нравственность. По терминологии Р. Мертона, «*nova religio*» следует отнести к «инновационному» типу.

Религиозные течения, определенные как нью-эйдж, было бы уместно отнести к «дискретному» типу, в силу их «точечного», самоизолированного положения в религиозном поле. Члены данных групп не относят себя к определенной системе либо религии. Данному направлению присуща мимикрия под образовательные, здравоохранительные, психологические институты. Ритуальные практики синкретичны, это сплав различных обрядов, в основном восточных, с оккультизмом и магизмом. Поскольку «дискретные» течения, как правило, отвергают общественные установки, в терминологии Р. Мертона данный тип определяется как «ретритизм».

Место следующего типа — так называемых «вернакулярных религий» — в религиозном поле России определить достаточно сложно. Их отличает размытый, внеинституциональный статус, кроме того, в основе организации данных групп собственно религиозный принцип играет роль более чем второстепенную по отношению к культурным, общественным, финансовым и политическим факторам. Религиозное сознание субъектов данных групп и является не более чем приставкой к указанным факторам. На растущий процесс вовлеченности в политический процесс указывает юридическая форма их организации (РОО, БФ, НКО). В рамках основной деятельности данные группы практикуют светские политические технологии: петиции, пикеты, законопроекты, проникновение в депутатский корпус. В качестве основного инструментария используются не религиозные обряды, но исключительно протестная деятельность; следовательно, по схеме Р. Мертона следует определить данный тип как «мятежный» (бунт).

Описание данного течения способно вызвать некоторое сомнение в его религиозном содержании. Исследуя это явление, следует учитывать, что в основе данного религиозного типа находится модель, в которой субъект, находясь

вне организованных религиозных платформ, вырабатывает личный набор ценностей на базе определенных сакральных идеалов. К данному направлению возможно отнести теорию «невидимой», или «приватной», религии Т. Лукмана [3]. Американский исследователь Леонард Норман Примано в качестве основного фактора функционирования вернакулярной религии определяет взаимодействие с фольклором: так, по его мнению, происходит изменение сакральных установок в религиозном сознании субъекта [4].

В современной сакральной среде имеется значительный ряд светских ценностных норм, получивших из-за такового пересечения мистическое содержание. Широко распространенное в современной России движение против ИНН является типичным примером этого. Поводом для его возникновения являлось присвоение гражданам индивидуального номера налогоплательщика (ИНН). Данный документ не имеет сакрального содержания, не нарушает прав граждан на отправление религиозных потребностей и имеет специфически светское содержание. Тем не менее, в силу ряда случайных ассоциаций с книгой Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), именно этот документ стал причиной религиозной истерии на грани массового психоза [5]. Данный инцидент наглядно свидетельствует, как пассивно существующие народные апокалиптические нарративы, получив усиление за счет публикаций в прессе, разворачиваются в общественно-религиозное движение. При этом первичен именно нарратив, а продвигающие его субъекты: американский журналист Рон Стил, возбуждавший общественность против системы электронных платежей, иеросхимонах Рафаил Берестов, епископ Диомид Дзюбан и пр. — являются не более чем группой поддержки [6], придающей уже существующей апокалиптически настроенной массе определенную конкретику.

Сформировавшееся вокруг нарратива сообщество возможно охарактеризовать как фэндом — субкультуру, состоящую из фанатичных поклонников художественного произведения, вымышленной вселенной. В современной российской околоправославной среде существует целый ряд фэндомов, возникший в результате синтеза светского нарратива с уже существующей мистической мировоззренческой установкой. К этому направлению можно отнести антицифровое, антивакцинаторское, антиювенальное сообщества, движение за почитание «царя-мученика» и пр. Во всех перечисленных движениях присутствует какое-либо светское начинание в качестве объекта зла и политтехнологии в качестве мер противодействия. Необходимо отметить ряд характерных признаков этих субкультур:

— в название сообщества выносятся терминология сугубо светская, вызывающая активную психологическую реакцию. Эксплуатируются понятия «защита семьи», «родительский комитет», «общественный уполномоченный», «семейная политика», «правозащитный центр» и пр.;

— деятельность сообществ не заиклена на одном направлении, но широко использует ребрендинг. Так, призывы сообщества АРКС («Ассоциация родительских комитетов и сообществ»; <http://arks.org.ru>) состоявшие изначально из «борьбы» с ювенальными технологиями, меняются и дополняются в соответствии с конъюнктурой. Перечень объектов борьбы АРКС пополнили аборты, СНИЛС, биометрия, школьные карты, чипы. В 2019 г., во время бур-

ного обсуждения законопроекта о семейно-бытовом насилии, сообщество провело ряд акций против этого явления. В 2020 г. в связи с антипандемийными мерами АРКС занял антивакцинаторскую позицию и выступил против дистанционного образования;

— отсутствие четкой регистрации. Как правило, данные сообщества избегают регистрации в качестве юридического лица, что позволяет не декларировать численность, учредителей, финансовую отчетность и пр.;

— несмотря на демонстративную патриотическую направленность, сообщества на деле ведут, тем не менее, протестную деятельность, объектом которой являются комитеты Госдумы, Общественная палата, Центробанк, ряд министерств и ведомств;

— оккультно-религиозная привязка.

Освещая последнюю как главную составляющую вернакулярных религиозных фэндов, необходимо разобрать механизм указанной привязки. Как правило, почти все российские вернакулярные сообщества отождествляют себя с традиционными религиями, преимущественно с православием. Но самоотождествление проходит по достаточно тонким граням. Большинство сообществ провозглашает своей целью т. н. защиту «традиционных ценностей», что РПЦ считает своей прерогативой. Осуществляются контакты с Синодальной комиссией по вопросам семьи, защиты материнства и детства РПЦ, но чисто представительского характера. В основе деятельности сообществ находится более радикальный мистицизм, чем религиозность, что не может не препятствовать их легитимизации в качестве собственно церковных структур. Несмотря на сознательную мимикрию под традиционные религии, догматически фэндомы нельзя отнести ни к одной из них. Сакральный мир религиозных фэндов — это состояние перманентного предапокалипсиса, в рамках которого бытовые вещи: СНИЛС, ИНН, дистанционное обучение, оцифровка и пр. — приобретают мистическое значение и предназначены для порабощения человека силами «мирового зла». Подмена понятий осуществляется с помощью терминологически подобранной риторики, вызывающей у субъекта негативную реакцию: «электронный концлагерь», «цифрофашизм», «мировое правительство», «цифровое рабство» и т. п. Смещение понятия «зла» неизбежно приводит к смещению понятия «добра», отсутствию у субъекта фэндома ценностного норматива. Понятие «нормы» у субъекта фэндома более чем нестабильное, зависящее от информационной конъюнктуры.

Следует отметить, что на индивида так или иначе влияют все религиозные ценности, которые транслируются в информационном пространстве. Индивид вынужден определять свое отношение к ним, принимать или отвергать на основе определённых доводов. А поскольку религиозное сознание человека в современном обществе является зачастую рыхлым, неотрефлексированным и не опирающимся на знания, то в сознании такого человека неизбежно возникают противоречия, состояние неопределенности. Иначе говоря, религиозная аномия [7].

Состояние аномии у фэндома российского религиозного поля, таким образом, стимулируется невозможностью отнести себя к какой-либо определенной конфессии. Поскольку деятельность фэндома не приводит к какому-либо

практическому результату, переживание «вечной борьбы» вызывает состояние депривации. В поиске выхода из данной ситуации субъект фэндома сталкивается с т. н. «депривацией напряжения» [8]. В период пандемии COVID-19 такая ярко проявилась в состоянии неудовлетворенности, переживаемом из-за желаниа исполнить религиозный долг; как следствие, депривация способна перерасти в агрессию, что можно наблюдать на примере религиозной группы схиигумена Сергия Романова.

Полуязыческие культы в среде традиционных религий, тесно связанные с народной культурой, культ неканоничных святых и «старцев», апокалиптические нарративы не являются новостью в религиозной среде. Но ранее таковые фэндомы не покидали локального пространства, не оказывая существенного влияния на религиозное поле. Главной особенностью современных религиозных фэндомов является отсутствие локального миссионерского пространства и, благодаря глобальной информационной сети, обретение возможности охватить практически все религиозное поле России. В результате действия вернакулярных фэндомов все большее число субъектов не ощущают себя в рамках определенной конфессии. В итоге происходит смещение традиционного деления религиозного поля, взаимопроникновение религиозных практик, появляются тенденции к девиации догматических норм.

Всякая религиозная система абсолютизирует понятие нормы и девиации, более того, возводит их в ранг сакральных истин. Дуальность лежит в основе практических всех религиозно-догматических концепций. Таким образом, понятия о норме и девиации находятся в основе всякой религии, составляют ее сущность. Соответственно, изучая и характеризуя факторы развития религиозных систем, религиоведение, как светская наука, не может не принимать во внимание такие ключевые понятия, как норма и причины отклонений от нее.

Реалией постсекулярного периода являются вернакулярные религии — внеинституциональные религиозно-общественные течения. Данный тип религиозности демонстрирует, что совокупность субъектов приобрела религиозные черты в силу обстоятельств, не имеющих религиозной подоплеки. К таковым обстоятельствам следует отнести культурные, этнические, политические, финансовые, бытовые. Религиозное сознание относящихся к подобным течениям субъектов постоянно открыто для внешних коммуникаций и будет всегда приставкой к одному из перечисленных факторов.

Религиозное поле России находится в состоянии перехода от стабильного расположения миссионерских ареалов к изменению таковых из-за трансформации понятия религиозной нормы. Последняя имеет тенденцию к трансформации за счет усиления вернакулярных религий, усиливающих влияние внутри традиционных конфессий.

Трансформации в религиозном поле России являются отражением социальных, политических и финансовых противоречий, имеющих в современном российском обществе, следствием чего являются феномены конкуренции, агрессии, силового передела рынка религиозных услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Генезис и структура поля религии // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — С. 7–74.
2. Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество — что это такое? — URL: <http://www.islam-portal.ru/communication/stat/100/1411/>
3. Luckmann Th. The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society. — N. Y.: Mac Millan Publishing Company, 1967. — 128 p.
4. Primiano L. N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife // Western Folklore. — 1995. — Vol. 54, № 1. — P. 37–56.
5. Шнирельман В. Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России. — М.: ББИ, 2017. — 617 с.
6. Парфрей А. От знака зверя к феномену чернокожего мессии: хроника Рона Дж. Стила, пытливого журналиста и автора пророчеств // Культура времён Апокалипсиса. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004. — С. 71–77.
7. Плетнев А. В. Религиозная аномия как катализатор девиации в современном обществе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2015. — № 9 (53). — URL: www.sisp.nkras.ru
8. Stark R., Bainbridge W. S. A Theory of Religion. — New Jersey: Rutgers University Press, 1996. — 390 p.